

“НЕИСТОВЫЙ РОЛАНД” ЛУДОВИКО АРИОСТО
(песнь десятая, окт. 90-115)

Перевод Евгения Солоновича

Пока Руджер глядит на лес знамен,
На рать, что встать за Францию готова,
И про вождей британских, чьих имен
Он не запомнил, спрашивает снова,
К себе вниманье привлекает он
Конем — здесь видят первый раз такого,
И любопытные по одному,
Не выдержав, сбегаются к нему.

На удивленье любопытным взорам,
Еще сильнее интерес дразня,
Руджер, почти не прибегая к шпорам,
Играючи летучего коня
Внезапно поднял над земным простором,
Столпившихся вокруг оцепеня,
И в сторону Ирландии направил
И вскоре небо Англии оставил.

И вот внизу Гиберния лежит —
Туманный край, где в глубине колодца,
Который старцем праведным открыт,
От скверны очищение дается.
И снова над водой Руджер летит,
Как вдруг над морем остров выдается,
И Анжелику, приглядысь к земле,
Он видит, что прикована к скале.

Я вам уже упоминал Гебуду,
Которую прозвали Остров слез
Благодаря безжалостному люду,

Что злую славу острову принес
Тем, что прекрасных женщин отовсюду
Чудовищу прозорливому вез,
Где только флотом в поисках ни рыща,
Чтоб чудищу была живая пища.

Сегодня Анджелики был черед,
Оставленной на крутизне обрыва,
Где каждый день морского гада ждет
Ужасный пир, кровавая нажива.
Я выше говорил про злой расчет
Тех, кто схватил красавицу трусливо,
Когда, волшебником усыплена,
С ним рядом на траве спала она.

Для чудища, что в море всех лютее,
К нагому камню в утреннюю рань
В ее природной нагоде злодеи
Очередную приковали дань.
Живые розы, свежие лилеи
Не облакала никакая ткань —
Цветы, которым не страшна угроза
Ни знойного июля, ни мороза.

Руджер бы, вероятно, посчитал,
Что мраморное видит изваянье,
Что скульптор на скалистый пьедестал
Поставил вдохновенное созданье,
Но слезный ток, что перси орошал,
Являя неподдельное страданье,
Приметил он среди лилей и роз
И колыханье золотых волос.

И, взор очей прекрасных встретя взором,
Проникся он участием живым,
И образ Брадаманты, о котором
Он только что не думал, встал пред ним.
И он коня сдержал в полете скором
И молвил деве, жалостью палим:
“Достойная любви, о почему ты
Здесь, на скале? Что значат эти пути?”

Любовных лишь достойную цепей,
Кто осудил тебя на эти муки
И, красоты не пощадив твоей,
Отметил синяками белы руки?
И кошениля сделалась красней
Она, услыша этой речи звуки,
Тем более при столькой красоте
Стыд пеленою служит наготе.

Руками бы лицо она закрыла,
Когда бы их освободить могла,
А так — слезами горькими кропила,
Потупясь, чтоб не поднимать чела.
Хотела говорить, вздохнув уныло,
Однако только-только начала,
Слова застряли в горле: не успела
Начать, как море страшно зашумело.

Вот раздалась невдалеке вода,
Чудовище открыв наполовину,
Которое, как долгий челн, когда
Борей торопит или австр к притину,
Спешит туда, где на виду еда
Являет вожденную картину.
Несчастливая от страха чуть жива,
И звук пустой утешные слова.

Руджер с размаха ударяет гада,
Копья не выпуская из руки.
Проворно извивается громада,
Размерам осполинским вопреки.
Про голову сказать особо надо —
Ее глаза кабаньи и клыки.
Как раз меж глаз пришлось копье сначала,
Однако будто камень повстречало.

Не повезло, но всадник терпелив,
И вновь грозит копьем его десница.
Меж тем, причиной зла вообразив
Тень на воде, страшилище ярится

И, верную добычу позабыв,
Уже настигнуть призрачную тщится.
Его в покое оставлять нельзя,
И вниз Руджер бросается, разя.

Как в поднебесной вышине парящий
Орел при виде лакомой змеи,
Ползущей ли, на солнышке лежащей
В уборе золотистой чешуи,
Не нападет со стороны шипящей,
Но в тело когти погрузит свои,
Следя за головой змеиной сзади,
Затем что помнит о смертельном яде, —

На тот же самый действуя манер,
Удары не вблизи клыкастой пасти,
Но в темя или в спину, например,
Наносит и в огромный хвост отчасти,
Чуть что — отскакивая прочь, Руджер,
Но не в его, не в человеческой власти
Пробить булатом чешую, когда,
Как яшма все равно, она тверда.

Так муха в пыльном августе атаки
Ведет на пса — что дерской мухе пес! —
Иль раньше чуть, когда тучнеют злаки,
Иль в пору сока из янтарных лоз,
И непрерывно вьется вокруг собаки,
То в глаз укусит, то вопьется в нос,
И клацают вотще собачьи зубы:
Один лишь раз не промахнуться псу бы!

Чудовище хвостом по морю бьет,
Плещя до неба ледяным фонтаном, —
И конь как будто по воде плывет,
А вовсе не летит над океаном.
Была бы хоть лодчонка или плот,
Ведь у коня при плеске непрерывном
Разбухнуть могут крылья от воды —
И все тогда, не миновать беды.

Поскольку пользы от оружия мало
И чудища он так не победит,
Руджер решает сдернуть покрывало
И обнажить замороженный щит.
Но чтобы и она не пострадала,
Он к женщине на берегу летит
И ей мизинец перстнем украшает,
Который действию колдовства мешает;

Который Брадаманта отняла,
Чтоб одолеть Атланта, у Брунеля
И для Руджера своего дала
Мелиссе, о его узнав уделе
В руках Альцины — воплощенья зла,
И снова послужил он доброй цели:
От чар Альцины злой Руджера спас,
Оставшись у него на этот раз.

И вот у Анжелики он — и блеска,
Что щит волшебным делает щитом,
Не возбранит и перед вспышкой резкой
Ее глаза предохранит при том.
Страшилище не прекращает плеска,
Полморя вытесняя животом.
Щит без покрова наконец оставлен —
Как будто свет второго солнца явлен.

Сияньем той же силы, что всегда,
Матерый хищник навзничь опрокинут, —
Так по реке форель плывет, когда
В поток бурливый горцы известь кинут.
Зато очам прелестным нет вреда,
И, в сеть Амура их красою ринут,
Руджер копьем разит, разит мечом,
Но чудищу удары нипочем.

Тщета Руджеру прибавляет гнева,
Меж тем мольба зовет его назад:
“О развяжи меня, — рыдает дева, —
Покуда не очнулся лютый гад!
Чем страшной рыбине попасть во чрево,
Лежать на дне морском милей стократ”.

Руджер ее прекрасно понимает —
И, отвязав, на воздух поднимает.

Мгновенье — и галопом в вышине
Отважного Руджера с девой вкупе
Уносит конь Рудера — на спине,
Спасенную красавицу — на крупе.
Так яство ускользнуло на коне,
Что ждало тварь на каменном уступе.
Оглядываясь, рыцарь вновь и вновь
Лобзает взором новую любовь.

Прямым путем, как собирался ране,
В Испанию лететь раздумал он
И опустился на берегах Бретани,
Дубравую тенистой привлечен
С ключем прозрачным на лесной поляне
В сени холмов, нависших с двух сторон,
Где, может, плачет соловей доселе
И то же эхо вторит Филомеле.

Желанию была подчинена
Мысль рыцаря, исполненного пыла,
Настал черед другого скакуна,
Которого желанье окрылило,
Но рыцарским доспехом стеснена
Поднявшаяся пребывала сила:
Необходимо было снять доспех,
Чтоб не осталось никаких помех.

Но пальцы торопливые дрожали —
И не снимался боевой убор.
Такими непослушными едва ли
Он находил застежки до сих пор.
Однако я боюсь, что вы устали,
И кончить эту песнь спешу, Синьор,
Чтоб изложить дальнейший ход событий
Со временем, когда вы захотите.